

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 26. «И красок звучные ступени на холст, как
струпья, положил»

Выпуск № 401

Фёдор Тютчев

Как ни дышит полдень знойный
В растворённое окно,
В этой храмине спокойной,
Где всё тихо и темно,

Где живые благовонья
Бродят в сумрачной тени,
В сладкий сумрак полусонья
Погрузись и отдохни.

Здесь фонтан неутомимый
День и ночь поёт в углу
И кропит росой незримой
Очарованную мглу.

И в мерцанье полусвета,
Тайной страстью занята,
Здесь влюблённого поэта
Веет лёгкая мечта.

1850

Осип Мандельштам

Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза,

Цветочная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой – сладкое лекарство!
Такое маленькое царство
Так много поглотило сна.

Немного красного вина,
Немного солнечного мая –
И, тоненький бисквит ломая,
Тончайших пальцев белизна.

1909

Александр Блок

Искусство – ноша на плечах,
Зато как мы, поэты, ценим
Жизнь в мимолётных мелочах!
Как сладостно предаться лени,
Почувствовать, как в жилах кровь
Переливается певуче,
Бросающую в жар любовь
Поймать за тучкою летучей,
И грезить, будто жизнь сама
Встаёт во всём шампанском блеске
В мурлыкающем нежно треске
Мигающего сiнета!
А через год – в чужой стране:
Усталость, город неизвестный,
Толпа, – и вновь на полотне
Черты француженки прелестной!..

1909

Выпуск № 1039

Лариса Миллер

Всё как будто не фатально –
Впереди монументальный,
Впереди заветный труд.
А пока лишь моментальный
Неоконченный этюд.
Поиск фона, поиск тона
Для земли и небосклона,
Для деревьев и травы,
Поиск нужного наклона
Непокорной головы,
А пока набросок, проба,
Вариант – и так до гроба.
Ярче верх, темнее низ.
Годы жара и озноба,
А в итоге лишь эскиз,
Лишь этюд, дороги нитка,
Некто, нечто, дом, калитка,
Сад, готовый отцвести, –
Бесконечная попытка
Скоротечное спасти.

1978

Лариса Патракова

«Напишите мне маленькую акварель:
большое дерево и с него взлетает птичья стая».
«Это трудно».

(Из разговора)

Мне было сказано во сне:
«Купите краски акварели».
И я, словам простым поверив,
Как верят солнцу по весне,

Искала их по всему свету:
То цены велики, то нету,
Но сон цветной тревожил странно
И я искала неустанно.

Однажды в очень старой лавке,
Где продавалось всё на свете,
Я разглядела на прилавке
То, что могла и не заметить.

Мы торговались безуспешно –
Мне трудно верилось в удачу,
А лавочник совал поспешно
И раму старую впридачу.

И сняв кольцо с руки – подарок,
Я расплатилась, зная точно,
Что краски мне достались даром
И лавочник мной обморочен.

Ушла, захлопнув плотно дверь,
И, снам тревожным цену зная,
С тех пор пишу я акварель,
С которой птицы улетают.

Не получилось. Птичий всплеск
Лист огласил с весёлой силой...
Но акварель не выносила
Таких простых, живых чудес...

Поплыли краски по листу,
Цвета меняя ненароком,
И видно было за версту
Зачем-то синюю сороку...

За край листа, как край небес,
Летела радостная стая:
В коробку с краской ворон влез
И, не взмахнув крылом, растаял.

Плыла пустая акварель –
Всё разлилось пятном холодным,
И птицы, наконец, свободны,
Летят в распахнутую дверь.

Выпуск № 324

Осип Мандельштам

Импрессионизм

Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени
И красок звучные ступени
На холст, как стружья, положил.

Он понял масла густоту –
Его запекшееся лето
Лиловым мозгом разогрето,
Расширенное в духоту.

А тень-то, тень всё лиловей,
Свисток иль хлыст, как спичка, тухнет, –
Ты скажешь: повара на кухне
Готовят жирных голубей.

Угадывается качель,
Недомалёваны вуали,
И в этом солнечном развале
Уже хозяйничает шмель.

1932

Анна Ахматова

Художнику

Мне всё твоя мерещится работа,
Твои благословенные труды:
Лип, навсегда осенних, позолота
И синь сегодня созданной воды.

Подумай, и тончайшая дремота
Уже ведёт меня в твои сады,
Где, каждого пугаясь поворота,
В беспамятстве ищу твои следы.

Войду ли я под свод преображенный,
Твоей рукою в небо превращённый,
Чтоб остудился мой постылый жар?..

Там стану я блаженною навеки
И, раскалённые смежая веки,
Там снова обрету я слёзный дар.

1924

Выпуск № 56

Афанасий Фет

Как трудно повторять живую красоту
Твоих воздушных очертаний;
Где силы у меня схватить их на лету
Средь непрестанных колебаний?

Когда из-под ресниц пушистых на меня
Блеснут глаза с просветом ласки,
Где кистью трепетной я наберу огня?
Где я возьму небесной краски?

В усердных поисках всё кажется: вот-вот
Приемлет тайна лик знакомый, –
Но сердца бедного кончается полёт
Одной бессильною истомой.

1888

Александр Блок

Когда я создавал героя,
Кремень дробя, пласты деля,
Какого вечного покоя
Была исполнена земля!
Но в зацветающей лазури
Уже боролись свет и тьма,
Уже металась в синей буре
Одежды яркая кайма...
Щит ослепительно сверкучий
Сиял в разрыве синих туч,
И светлый меч, пронзая тучи,
Разил, как неуклонный луч...
Еще не явлен лик чудесный,
Но я провижу лик – зарю,
И в очи молнии небесной
С чудесным трепетом смотрю!

1907

Лариса Миллер

Неясным замыслом томим
Или от скуки, но художник
Холста коснулся осторожно,
И вот уж линии, как дым,
Струятся, вьются и текут,

Переходя одна в другую.
Художник женщину нагую
От лишних линий, как от пут,
Освобождает – грудь, рука.
Ещё последний штрих умелый,
И оживут душа и тело.
Пока не ожили, пока
Она ещё нема, тиха
В небытии глухом и плоском,
Творец, оставь её наброском,
Не делай дерзкого штриха,
Не обрекай её на блажь
Земной судьбы и на страданье.
Зачем ей непомерной данью
Платить за твой внезапный раж?
Но поздно. Тщетная мольба.
Художник одержим до дрожи:
Она вся светится и, Боже,
Рукой отводит прядь со лба.

1978

Выпуск № 67

Максимилиан Волошин

из цикла «Облики»

Ты живёшь в молчаньи тёмных комнат
Средь шелков и тусклой позолоты,
Где твой взгляд несут в себе и помнят
Зеркала, картины и киоты.

Смотрят в душу строгие портреты...
Речи книг звучат темно и разно...
Любишь ты вериги и запреты,
Грех молитв и тайнства соблазна.

И тебе мучительно знакомы
Сладкий дым бензоя, запах нарда,
Тонкость рук у юношей Содомы,
Змийность уст у женщин Леонардо...

1910

Николай Гумилёв

Портрет мужчины

Картина в Лувре работы неизвестного

Его глаза – подземные озёра,
Покинутые царские чертоги.
Отмечен знаком высшего позора,
Он никогда не говорит о Боге.

Его уста – пурпуровая рана
От лезвия пропитанного ядом;
Печальные, сомкнувшиеся рано,
Они зовут к непознанным усладам.

И руки – бледный мрамор полнолуний.
В них ужасы неснятого проклятья.
Они ласкали девушек колдуний
И ведали кровавые распятья.

Ему в веках достался странный жребий –
Служить мечтой убийцы и поэта,
Быть может, как родился он – на небе
Кровавая растаяла комета.

В его душе столетние обиды,
В его душе печали без названья.
На все сады Мадонны и Киприды
Не променяет он воспоминанья.

Он злобен, но не злобой святотатца,
И нежен цвет его атласной кожи.
Он может улыбаться и смеяться,

А плакать... плакать больше он не может.

1910

Выпуск № 1208

Михаил Лермонтов

На картину Рембрандта

Ты понимал, о мрачный гений,
Тот грустный безотчётный сон,
Порыв страстей и вдохновений,
Всё то, чем удивил Байрон.
Я вижу лик полуоткрытый
Означен резкою чертой;
То не беглец ли знаменитый
В одежде инока святой?
Быть может, тайным преступленьем
Высокий ум его убит;
Всё тёмно вокруг: тоской, сомненьем
Надменный взгляд его горит.
Быть может, ты писал с природы,
И этот лик не идеал!
Или в страдальческие годы
Ты сам себя изображал?
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнет взор,
И этот труд необычайный
Бездушным будет злой укор.

1830-1831

Николай Гумилёв

Фра Беато Анджелико

В стране, где гиппогриф весёлый льва
Крылатого зовёт играть в лазури,

Где выпускает ночь из рукава
Хрустальных нимф и венценосных фурий;

В стране, где тихи гробы мертвецов,
Но где жива их воля, власть и сила,
Средь многих знаменитых мастеров,
Ах, одного лишь сердце полюбило.

Пускай велик небесный Рафаэль,
Любимец бога скал, Буонаротти,
Да Винчи, колдовской вкусивший хмель,
Челлини, давший бронзе тайну плоти.

Но Рафаэль не греет, а слепит,
В Буонаротти страшно совершенство,
И хмель да Винчи душу замутит,
Ту душу, что поверила в блаженство

На Фьезоле, среди тонких тополей,
Когда горят в траве зелёной маки,
И в глубине готических церквей,
Где мученики спят в прохладной раке.

На всём, что сделал мастер мой, печать
Любви земной и простоты смиренной.
О да, не всё умел он рисовать,
Но то, что рисовал он, – совершенно.

Вот скалы, рощи, рыцарь на коне, –
Куда он едет, в церковь иль к невесте?
Горит заря на городской стене,
Идут стада по улицам предместий;

Мария держит Сына Своего,
Кудрявого, с румянцем благородным,
Такие дети в ночь под Рождество
Наверно снятся женщинам бесплодным;

И так нестрашен связанным святым
Палач, в рубашку синюю одетый,
Им хорошо под нимбом золотым:
И здесь есть свет, и там – иные светы.

А краски, краски – яркие и чисты,
Они родились с ним и с ним погасли.

Преданье есть: он растворял цветы
В епископами освящённом масле.

И есть ещё преданье: серафим
Слетал к нему, смеющийся и ясный,
И кисти брал и состязался с ним
В его искусстве дивном... но напрасно.

Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но всё в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

Выпуск № 489

Осип Мандельштам

Улыбнись, ягнёнок гневный с Рафаэлева холста, –
На холсте уста вселенной, но она уже не та:

В лёгком воздухе свирели раствори жемчужин боль,
В синий, синий цвет синели океана въелась соль.

Цвет воздушного разбоя и пещерной густоты,
Складки бурного покоя на коленях разлиты,

На скале черствее хлеба – молодых тростинки рощ,
И плывёт углами неба восхитительная мощь.

1937

Константин Бальмонт

Фра Анджелико

Если б эта детская душа
Нашим грешным миром овладела,
Мы совсем утратили бы тело,

Мы бы, точно тени, чуть дыша,
Встали у небесного предела.

Там, вверху, сидел бы добрый Бог,
Здесь, внизу, послушными рядами,
Призраки с пресветлыми чертами
Пели бы воздушную, как вздох,
Песню бестелесными устами.

Вечно примирённые с судьбой,
Чуждые навек заботам хмурным,
Были бы мы озером лазурным
В бездне безмятежно-голубой,
В царстве золотистом и безбурном.

1900

Выпуск № 944

Владимир Набоков

Тайная вечеря

Час задумчивый строгого ужина,
предсказания измен и разлуки.
Озаряет ночная жемчужина
олеандровые лепестки.

Наклонился апостол к апостолу.
У Христа – серебристые руки.
Ясно молятся свечи, и по столу
ночные ползут мотыльки.

1918

Осип Мандельштам

Тайная вечеря

Небо вечера в стену влюбилось, –
Всё изрублено светом рубцов –
Провалилось в неё, осветилось,
Превратилось в тринадцать голов.

Вот оно – моё небо ночное,
Пред которым как мальчик стою:
Холодеет спина, очи ноют.
Стенобитную твердь я ловлю –

И под каждым ударом тарана
Осыпаются звёзды без глав:
Той же росписи новые раны –
Неоконченной вечности мгла...

1937

Выпуск № 1121

Алексей Толстой

Мадонна Рафаэля

Склоняясь к юному Христу,
Его Мария осенила;
Любовь небесная затмила
Её земную красоту.

А он, в прозрении глубоком,
Уже вступая с миром в бой,
Глядит вперёд – и ясным оком
Голгофу видит пред собой.

1858

Александр Блок

Успение

(из цикла «Итальянские стихи»)

Её спелёнутое тело
Сложили в молодом лесу.
Оно от мук помолодело,
Вернув бывалую красу.

Уже не шумный и не ярый,
С волненьем, в сжатые персты
В последний раз архангел старый
Влагает белые цветы.

Златит далёкие вершины
Прощальным отблеском заря,
И над туманами долины
Встают усопших три царя.

Их привела, как в дни былые,
Другая, поздняя звезда.
И пастухи, уже седые,
Как встарь, сгоняют с гор стада.

И стражей вечному покою
Долины заступила мгла.
Лишь меж звездою и зарёю
Златятся нимбы без числа.

А выше, по крутым оврагам
Поёт ручей, цветёт миндаль,
И над открытым саркофагом
Могильный ангел смотрит в даль.

1909

Выпуск № 636

Лариса Патракова

Дионисию

И я опять на склонах золотых,
Где племя одуванчиков живое
Ждёт, когда вспыхнет нимб над головою,
Прописанный, как у твоих святых.

Белильные движки по облакам,
На них заката отраженный отблеск,
Легко и вдохновенно – на века,
Тобой написан их летящий облик.

В травинке каждой руку узнаю:
Весь мир вокруг твоею создан кистью,
Перед тобой, бессмертный Дионисий,
В молчанье удивлённом предстою.

Александр Блок

Сиенский собор

(из цикла «Итальянские стихи»)

Когда страшишься смерти скорой,
Когда твои неярки дни, –
К плитам Сиенского собора
Свой натруженный взор склони.

Скажи, где место вечной ночи?
Вот здесь – Сивиллины уста
В безумном трепете пророчат
О воскресении Христа.

Свершай своё земное дело,
Довольный возрастом своим.
Здесь под резцом оцепенело
Всё то, над чем мы ворожим.

Вот – мальчик над цветком и с птицей,
Вот – муж с пергаментом в руках,
Вот – дряхлый старец над гробницей
Склоняется на двух клюках.

Молчи, душа. Не мучь, не трогай,
Не понуждай и не зови:
Когда-нибудь придёт он, строгий,
Кристалльно-ясный час любви.

1909